

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД В ЭТНОСОЦИОЛОГИИ *

Статья посвящена современным научным взглядам на проблему этничности. Особое внимание уделяется исследовательской модели, основанной на идеях философии диалога и парадигмы социального взаимодействия. Делается вывод о том, что противостояние культурно-исторической и модернистской школ в отечественной этнологии утрачивает остроту, если рассматривать этничность как результат синхронных и диахронных (межпоколенческих) социальных взаимодействий.

Ключевые слова: этничность, этническая группа, этническая категоризация, этнические границы, социальное взаимодействие, коммуникативный подход.

Современные взгляды на проблему этничности

В настоящее время актуальность этносоциологии в системе социогуманитарного знания возрастает. Этому в немалой степени способствуют полиэтничный характер большинства современных государств. Последние десятилетия XX в. опровергли более ранние прогнозы о снижении роли этнического фактора по мере нарастания глобализационных процессов.

В какой мере наука оказалась подготовленной к анализу тех вызовов, которые брошены мобилизованной этничностью? Каковы способы решения этнических конфликтов? Чем должен руководствоваться исследователь при изучении этнических процессов: чувствами людей или расчетами политиков? В ответах на эти вопросы мы не найдем сегодня единодушия среди ученых.

В отечественной этнографии сохраняется противопоставление двух методологических установок в изучении этничности – «традиционной» (культурно-исторической) и «современной» (модернистской). В то время как «новая этнологическая школа», концентрирующаяся вокруг Института этнологии и антропологии РАН, ориентируется на инструменталистские концепции этничности, другие научные центры отстаивают объективистские взгляды на сущность этноса.

В этой связи следует отметить попытки социологов уйти от противостояния. Наиболее авторитетными на сегодняшний день «синтезными» теориями являются неомарксистский конструктивизм Н. Г. Скворцова, полипарадигмальная методология Л. М. Дробжевой и структурно-феноменологический конструктивизм В. С. Малахова. Все названные ученые декларируют методологическую приверженность социальному конструктивизму.

Полипарадигмальная методология Дробжевой базируется, по ее собственному признанию, на антропологических идеях Маркса, социологическом объективизме Дюркгейма, понимающей социологии Вебера, феноменологии жизненного мира Гуссерля и Шютца, связывающих объективистский и субъективистский подходы в диалектическую взаимосвязь. В рамках этой объяснительной модели этнополе понимается, с одной стороны, как относительно устойчивая часть социального пространства, а с другой – как результат социального конструирования структуры самими людьми. Интерес этносоциолога заключается в том, чтобы понять, как и почему интеллектуальные конструкции превращаются в социальные конструкции, которые ориентируют поведение людей и деятельность социальных институтов.

* Работа выполнена при финансовой поддержке экспедиционного проекта СО РАН «Этничность, региональный и гражданский патриотизм как факторы цивилизационной идентификации народов Евразии».

«Если люди верят в то, что существуют народы, их культура, ценности, историческое прошлое, то они в той или иной мере будут строить в связи с этими представлениями свое поведение... В начале XX в. Томас и Знанецкий, написавшие классическую работу “Польский крестьянин в Европе и Америке”, которых стали считать родоначальниками этносоциологии на Западе, фиксировали: “Если люди определяют ситуации как реальные, то они и являются реальными по своим последствиям”» [Дробижева, 2004. С. 18–19].

В неомарксистской парадигме Н. Г. Сковрцова понятия «этничность» тесно связано со способом производства. Исходной конструкцией марксистского анализа этнических и расовых отношений является экономическая структура, способ производства. Если экономической структурой является капитализм, то социальные (прежде всего, классовые) отношения, основанные на этой организации, формируют необходимый контекст интерпретации явлений и следствий расизма и этнической дискриминации [Сковрцов, 1998].

Сковрцов полагает, что этничность должна рассматриваться как интегральная категория социально-гуманитарных наук, отражающая 1) способы и формы взаимодействия между группами, 2) совокупность специфических культурных характеристик группы, 3) одну из форм социальной идентичности индивида. Главное условие возникновения этничности – дихотомия «мы» – «они». Межэтнические отношения являются в высшей степени асимметричными и иерархизированными с точки зрения доступа к ресурсам. Поскольку этничность предполагает институциональные отношения между группами, члены которых рассматриваются как отличные по культурным характеристикам, в рамках данного отношения вырабатываются системы социальной классификации с характерными для каждой из них принципами «включения»-«исключения», авто- и гетеростереотипами. Этнические отношения возникают в социальном контексте, где культурные различия выполняют существенную роль. Но для того чтобы стать этническими, культурные различия должны быть социально организованными. Сохранять себя можно только через отношение к другим, т. е. посредством границы, а сама граница является продуктом социального взаимодействия.

Структурно-феноменологическая концепция этничности В. С. Малахова опирается на теорию социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, согласно которой социальные структуры сами являются продуктом человеческой деятельности. Следуя этой логике, субъективные значения, придаваемые индивидами своему миру, подвергаются институционализации и тем самым превращаются в объективные социальные структуры, а социальные структуры сами, в свою очередь, становятся частью используемых индивидами систем значений, организующих их деятельность.

По мнению Малахова, теория Бергера и Лукмана позволила связать в единое целое момент индивидуальной свободы и социально-структурной необходимости. Это позволяет рассматривать этничность как измерение личностной идентификации в системе организации общества (как одно из возможных оснований социальной стратификации). Поэтому вопрос о «реальности» этничности отпадает сам собой: этнические группы реальны благодаря воспроизводству веры людей в их реальность и институтам, ответственным за воспроизводство этой веры. С другой стороны, эта вера не есть «вымысел», ибо реальны в строгом смысле этого слова социальные различия. Реальность этничности – это реальность различий, которые, будучи концептуализированы и освоены социальной теорией, выступают в качестве объективных разграничителей социального пространства [Малахов, 2005. С. 227–229].

Таким образом, можно утверждать: какими бы различными не были рассуждения об этничности, данные авторы признают реальность этого феномена. Однако вопрос о специфике этнических различий остается за пределом компетенции социально-конструктивистской парадигмы. Узвимо́й стороной нового российского конструктивизма также является недоучет принципа историзма в исследовании этничности. В большей степени этим «грешат» инструменталисты, которые полагают, что для объяснения сегодняшних проблем нет смысла заглядывать глубоко в историю.

В то же время признание различий как таковых не объясняет многие неудобные проблемы, например, вопрос об устойчивости этнических идентификаций, о межпоколенном характере этничности, о том, что

даже в стабильные эпохи люди идентифицируют себя с определенными этническими группами, что этническая идентификация человека формируется в процессе его социализации, что в реальной действительности люди почти никогда не стоят перед возможностью выбора своей этнической принадлежности [Авксентьев, 2005. С. 58].

Как полагает этноконфликтолог В. А. Авксентьев, такие «реалистические» концепции имеют скорее нормативный, нежели аналитический характер. Они фиксируют то, какой хотелось бы видеть этничность, чтобы с ней не были связаны тяжелейшие конфликты, чем то, какова она на самом деле [Там же. С. 59–60].

Таким образом, конструктивистская парадигма нуждается в том, чтобы быть дополненной «сильными» сторонами, отличающими отечественную культурно-историческую школу в изучении этноса и этничности. Таковыми, на наш взгляд, являются историзм и системность.

Методологические принципы коммуникативного подхода

Представляется, что вместо выбора между предложенными в современной научной литературе взаимоисключающими объяснительными моделями целесообразно использовать их эвристический потенциал, учитывая принципы системности и историзма. С точки зрения последнего, этничность вполне можно рассматривать как одну из форм социально-культурной организации человечества, начиная с III тыс. до н. э. и вплоть до сегодняшнего дня.

Биологическое и социальное в его предметном и не предметном выражении в единстве составляют субстанциональное (сущностное) основание этничности. Рассматривая этническую общность как отдельную культуру, исторически сложившуюся в результате совместной деятельности по освоению определенной территории, следует признать продуктами ее объективации не только материальные артефакты, культурные навыки и образцы поведения, идущие из далекого прошлого и оцениваемые обыденным сознанием как ее атрибуты, но и язык, социальные связи и отношения.

Динамика развития этнических коллективов направлена на эмансипацию человека от природных детерминант. По мере «осво-

бления» от последних и прогресса технологий все большую роль в процессе развития играют собственно социальные факторы.

Социальное основание есть основание не абстрактного, но конкретного содержания феномена этничности. Рассматривая этническую общность как форму коллективности на уровне наличного бытия (существования), следует подчеркнуть особое значение групповых способов фиксации культурных феноменов. Речь идет о социальных сетях (прежде всего так называемых досовременных формах социальной организации – семейно-родственных и племенных) и социальных институтах (структурах родства и территориальных формах самоорганизации, потестарных и государственных формах объединения).

Социальное основание реализуется в непосредственном взаимодействии с Другим как конечной причиной наличного бытия этнической группы. Другой, иной, чужой выступает как фундаментальная оппозиция «своего» и может иметь различные значения по отношению к «мы»: «нелюди», «существа иного мира», «духи – хозяева местности», «предки – основатели рода», «чужестранцы», «иноплеменники» и т. п. Следовательно, специфика проявления этнических феноменов на уровне бытия диктует нам необходимость обращения к такой методологии, которая бы учитывала оппозицию «свой» – «иной». Наиболее адекватным с этой точки зрения может быть коммуникативный подход, объединяющий парадигму социального взаимодействия (Т. Парсонс, В. П. Фофанов), философию диалога (М. М. Бахтин, Ю. Хабермас) и семиологию (Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский). Причины, обусловившие интерес именно к этим методологическим направлениям, объясняются следующими обстоятельствами:

– в парадигме социального взаимодействия подчеркивается роль Другого как необходимого условия становления собственной социальной субъектности;

– семиология (в частности, московско-тартусская семиотическая школа) рассматривает социальное взаимодействие как акт коммуникации, целью которой является не столько передача уже существующей информации, сколько порождение новой информации – социо- и культурогенез;

– философия диалога выделяет в качестве существенной стороны социального

взаимодействия внутреннюю рефлексию его сторон. Рефлексия является, согласно диалогической концепции, с одной стороны, продуктом взаимодействия, с другой – его условием. Рефлексивные механизмы являются инструментами когнитивно-эмоциональной самоорганизации этнической группы в синхронных и диахронных социальных границах.

Этническая категоризация, самоорганизация и границы в свете коммуникативного подхода

Прежде всего, стоит отметить, что этнические категории связаны с разделением на «мы» и «они», и относятся к древнейшим системам категоризации. Под категоризацией понимается процесс, с помощью которого люди интерпретируют окружающий мир и свое место в нем. Основой самоорганизации этнической группы является противопоставление по принципу «мы» – «они» на основе существующих между этническими общностями культурных различий. Осознание отличий между представителями «своей» и «другой» группы способствует возникновению представлений об общих для всех членов данного народа специфических чертах, зафиксированных в автостереотипах, совокупность которых образует систему образов, отражающих особенности «мы».

Процесс сопоставления «мы» – «они» осуществляется путем выделения черт другой этнической группы через соотнесение с собственными этническими чертами. При этом за положительный эталон принимается собственный культурный багаж. Представители определенной этнической общности не просто суммируют те или иные черты «другого»: элементы сходства и отличия в образах «мы» и «они» приобретают значение сигналов ценностного характера.

По мнению отечественных этнологов, исходным моментом, позволяющим говорить о наличии этнической группы, является самоназвание, под которым они объединяются. Утрата или перемена самоназвания – показатель качественных изменений, происходящих с этнической общностью [Бромлей, 1973. С. 31, 98; Арутюнов, 1989. С. 9]. Решающим показателем при определении сформированности этнической группы выступает, по их мнению, зарождение коллек-

тивного (этнического) самосознания со свойственным ему представлением об общности происхождения и исторических судеб.

Важную роль при определении признака, свидетельствующего о наличии этнической группы, ученые отводят общности культуры. Этноинтегрирующую и этнодифференцирующую роль играет не какой-либо один элемент, а целый набор, круг элементов культуры, таких как язык, религия, фольклор, ритуально-обрядовая система, нормы общения и поведения и т. п. Этническое самосознание по своему выбору актуализирует в качестве этнознаковых те элементы культуры, которые маркируются им в качестве этнически специфических.

Совокупность черт культуры «своей» группы фиксируется не целиком, а лишь в тех особенностях, которые рассматриваются ее представителями как этноинтегрирующие (в качестве таковых могут выступать общность территории, язык, религия). Эта избирательность присутствует и при восприятии «они»: фиксируя не всю совокупность черт культуры той или иной этнической группы, а лишь отдельные ее особенности, одна группа рассматривает множество этих особенностей в качестве этноразделительных показателей, тогда как другая может, не придавая им значения, выделить в качестве разделительных показателей иное множество черт культуры [Крюков, 1976. С. 58].

Стоит отметить, что не сам по себе культурный инвентарь определяет этническую границу, а критерии определения принадлежности и способы сигнализирования о включенности / исключенности. Кроме того, устойчивые межэтнические отношения предполагают структурированное взаимодействие набора предписаний, управляющих ситуацией контакта и позволяющих действовать совместно в некоторых секторах или сферах деятельности, и набора ограничений для социальных ситуаций, предотвращающих межэтническое взаимодействие в других секторах, тем самым изолируя часть культурного содержания от конфронтаций и модификаций [Барт, 2006. С. 18–19].

Что оберегает граница? Она оберегает символы, мифы, память, традиции и ценности. Символы дают отдельным группам общие переживания и ценности, тогда как мифы и историческая память раскрывают им значение этих переживаний, иллюстрируют

и разъясняют их ценности. Если мифы и символы не вызывают отклика у членов группы, значит, они больше не выполняют своих функций, не могут объединять. Тогда социальные связи ослабевают и группа распадается. Следовательно, культура не является «набором инвентаря», или «содержанием», охватываемым границей. Культура – это одновременно и наследие, и граница – деятельно формируемый набор значений, которые служат объединению группы людей с общими переживаниями и воспоминаниями и отделению их от чужаков. Такое объяснение дополняет граничный подход и предлагает более полный метод объяснения этнической устойчивости [Смит, 2004. С. 341].

Проблема этнических границ в западной традиции была поставлена Ф. Бартом, Дж. Армстронгом, Э. Смитом. Значительное место она занимала и в отечественной науке, особенно в работах П. И. Кушнера и М. М. Бахтина. Бахтин, автор теории диалога в отечественной науке, считал, что понятие границы должно быть основным принципом исследования культур. Только на грани различных культур возможно превращение культуры в коллективную личность. Лишь при соприкосновении с другими культурами и иными культурными смыслами данная культура обнаруживает собственные смыслы и формирует новые, к этому иному образу обращенные.

Такое понимание близко позициям этно-символической версии социального конструктивизма, представленной в работах Дж. Армстронга и Э. Смита. Оно позволяет рассматривать социальную деятельность человека как знаковую по своему характеру, а освоение реальности – как процесс выделения объектов из первоначально нерасчлененного мира и заключения их в понятия, как понимание себя одновременно в качестве субъекта собственной деятельности и объекта среди других объектов. Определив себя и других как объекты, человек осмысливает взаимодействие с ними, т. е. приобретает способность совершать поступки как субъект, а не только реагировать, как животное.

Логично заключить, что этническая общность как форма коллективности формируется в процессе деятельностно-знакового освоения природного и социального мира. Процесс освоения предполагает, в том числе, и выделение членов своего и других эт-

нических коллективов в качестве объектов своего сознания, и осмысление взаимодействий между ними.

Ядерные структуры этнического самосознания конституируют Другого как свою периферию. При этом край, граница как «Другое» становится условием возможности социальной целостности. Другой отвергается в Центре, но в то же время он сам является инструментальной составляющей образных репертуаров данной культуры. Иными словами, без периферии, без Другого не может быть целостно организованного социального пространства [Ярская-Смирнова, Романов, 2004. С. 214].

Коммуникативный подход позволяет системным образом рассмотреть процесс самоорганизации этноса в плане объективной и субъективной определенности. Его методологические принципы удачно сочетаются с результатами, полученными в рамках информационной традиции исследования этничности. Данная традиция была заложена в работах этнографов С. А. Арутюнова и Н. Н. Чебоксарова в 1970–1980-х гг., развита в работах московского этносоциолога А. А. Сусоколова в 1990-х гг., философски обоснована новосибирскими исследователями С. П. Сторожевой и Н. Л. Микиденко на рубеже XX и XXI столетий [Чебоксаров, Арутюнов, 1972; Сусоколов, 1990; Сторожева, Микиденко, 2006]. Основные аксиомы этой традиции можно сформулировать следующим образом:

– этническая общность, осознающая себя как таковую на основе противопоставления «мы» – «они», основана на единстве синхронных (социальных взаимодействиях) и диахронных информационных связей, которые обеспечивают преемственность этнической эстафеты от поколения к поколению;

– сохраняя самосознание, этническая группа может обеспечивать преемственность своего существования, подобно тому, как индивид остается одной и той же личностью, сохраняющей свою идентичность, несмотря на происходящие в нем изменения.

Таким образом, можно зафиксировать, что по ряду позиций этносимволический вариант конструктивизма близок информационной традиции в отечественной науке. Во-первых, оба рассматривают межэтническое взаимодействие как процесс коммуникации, направленный на универсальное сопоставление «мы» – «они», с образно-

символической компонентой в качестве одного из ядерных элементов содержания. Во-вторых, не подвергается сомнению, что информация, которая «свернута» в образно-символической форме – мифы, воспоминания, ценности, представления и традиции – генерируется задолго до того, как ею начинают пользоваться ныне живущие поколения. В-третьих, принимая в расчет устойчивые групповые восприятия и чувства, удостоверяется, что в современных условиях большинство наций являются преемственными по отношению к досовременным этническим группам. Это позволяет надеяться на то, что методологические принципы, которые предлагает коммуникативная парадигма, могут послужить основой для социологических моделей, более эвристичных и адекватных сложившимся условиям.

Список литературы

Авксентьев В. А. Становление подходов к изучению межэтнического конфликта в приграничье // Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе / Отв. ред. В. И. Дятлов, С. В. Рязанцев. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. С. 53–71.

Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 243 с.

Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий. М.: Новое издательство, 2006. С. 9–49.

Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. 283 с.

Дробижева Л. М. Этносоциология сегодня. Проблемы методологии междисциплинарных исследований – Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2004. С. 14–25.

Крюков М. В. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // Расы и народы. М.: Наука, 1976. Вып. 6. С. 42–63.

Малахов В. С. Национализм как политическая идеология: Учеб. пособие для вузов по гуманит. специальностям и направлениям. М.: Университет, 2005. 315 с.

Скворцов Н. Г. Этничность, раса, способ производства: неомарксистская перспектива // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, вып. 1. Режим доступа: <http://www.soc.pu.ru/publications/jssa/1998/1/a6.html>

Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004. 464 с.

Сторожева С. П., Микиденко Н. Л. Информационные проблемы этничности. Новосибирск: Изд-во «Веди», 2006. 223 с.

Сусоколов А. А. Структурные формы самоорганизации этноса // Расы и народы. М.: Наука, 1990. Вып. 20. С. 5–39.

Чебоксаров Н. Н., Арутюнов С. А. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. М.: Наука, 1972. Вып. 2. С. 8–30.

Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В. Социальная антропология. Ростов н/Д: Феникс, 2004. 416 с.

Материал поступил в редколлегию 05.09.2008

Е. А. Erohina

The Communicative Approach in Ethnology

The article is dedicated to the modern scientific views on the problem of (ethnic identification). The author concentrates her attention on the research model, which is based on the concepts of the dialogue philosophy and paradigms of the social interaction. It is concluded by the author that arguments between cultural and historical and modernist schools in Russian ethnology lose their tension if we regard (ethnic identification) as the result of synchronic and diachronic (inter-generational) social communication.

Keywords: ethnicity, ethnic group, ethnic categorization, ethnic boundaries, social interaction, communicative approach.